

Большая молитва

Предисловие автора

Молодежные неформальные сообщества – один из ярких феноменов нашего времени. Я изучал его всю жизнь, в том числе и на Дерибасовской, и по всему бывшему СССР, и нынешним его останкам, и теперь у меня есть что сказать. Классические хиппи и панки, скандально известные скинхеды, малоинтересные постороннему ролевики, численность и активность которых больше, чем в любой политической партии, тихие печальные готы, прикольные флэшмобберы... Только перечень названий займет страницу. Почему они появляются? Чем они являются? Что находят в них наши дети? Каждый из вас, читатели, в любой момент может узнать, что ваш ребенок уже там. Что вы будете с этим делать? Запрещать, радоваться, доносить, перевоспитывать, помогать, не обращать внимания? Конечно, с разными – по-разному. Но есть у них и нечто общее.

Я мог бы написать о многих из них – с фактами, именами и фотографиями. Собственно, я и пишу, и публикую в педагогических и общественно-политических изданиях. Я мог бы написать о них системно и аналитически. Собственно, я и написал: моя в соавторстве с Владимиром Ланцбергом наукообразная брошюра переиздавалась 9 раз с 1986 по 2003 годы, не считая публикаций в интернете и выхода в печати отдельных глав и отрывков.

Какую форму найти для читателя художественного альманаха? Вот такая попытка. Это – публицистика, замаскированная под беллетристику.

Нхгабта всмотрелся в лики телекамер. Сорок восьмой кабельный. А я все же какой никакой, а член ООН. Ладно, сойдет.

– Я обращаюсь к своему народу и к международному сообществу! Позавчера в Старогорске были похищены пятеро граждан Тнтханы. Террористы вымогали за них выкуп. Я публично и по дипломатическим каналам потребовал у правительства России немедленно освободить моих подданных. Вчера жрецы Ретхто сообщили мне, что в момент разговора террористов с моим консульством четверо из пяти похищенных уже были мертвы.

На мое требование немедленно предать справедливой казни преступников Москва ответила невнятно. Обычаи предков обязывают нас защищать своих соплеменников и карать убийц. Поэтому я, Король и Верховный Жрец Тнтханы, в согласии с Советом Жрецов Ретхто решил: сотворить Нбтогх Тодх.

Нхгабта покосился на переводчиков. Он дал им большую поблажку, произнося речь на полуофициальном французском, но английский — это было бы уж слишком: и свои не поймут, и у чужих не следует идти на поводу.

— Почти сто пятьдесят лет Нбогх Тодх не творился под этим небом. Мы жили в мире по законам мира, воевали по законам войны, а преступников карали сообща с правителями других стран. Но сегодня кровь невинных жертв требует отмщения.

Нхгабта вздел небу руки. Накидка, придававшая ему цивилизованный вид, спрыгнула, являя национальные цвета тела и раскраски. И заревел. Это далось ему проще, чем на ежегодном Празднике — сегодня он был действительно зол. Двое из четверых погибших детей были его племянницами, принцессами Нхгабта. Королю положено любить весь народ, но ближняя кровь все равно дороже. В речь для чужеземцев эти подробности решили не вставлять, но все свои знали, что к чему, когда взревели вместе с королем. Большею частью не столичные баловни, а жители дальних деревень дико орали на площади, обрамленной автобусами. Спускаясь по ступенькам, Нхгабта посмотрел в глаза звукооператору, лихорадочно дергающему поводья пульта, и покачал маской в руке. Сообразительный белобрысый американец зашептал микрофону. Нхгабта облачился и потерял возможность общаться взглядами. Но когда масками покрылась вся площадь, телекамеры уже были настроены на это величественное зрелище.

— Сейчас мы вам добавим экзотики, мать вашу!

Последние слова Нхгабта подумал по-русски, и было тому три причины: две явных и одна тайная. Политическое событие было связано с Россией, их ругательства самые крепкие в мире, и Нхгабта однажды танцевал этот священный запретный танец под чужим небом. Правда, только кусочек танца, хотя и весь он лишь малая часть Нбогх Тодх, но и это великий грех перед Ретхто. В неподобающе пьяном виде, на вечеринке, в любимом Париже, тогда Нхгабта и подружился с князем без княжества, никогда не видевшим своей Родины. Все компаньоны из белых стали синими, до утра не могли заниматься сексом и до окончания университета откровенно боялись Нхгабта, еще и других пугали. И только Борис не протрезвел, а жал руку, восклицая:

— Боже, как красиво! Ты великий танцор, Нхгабта! А мы тут в своей Европе мним... Русский балет... Это религиозный танец, ведь правда? У нас служба тоже... Красиво, но механистично, таланта нет. Но все-таки

красиво! Пойдем в воскресенье в церковь, тебе понравится. Ты поймешь, а они — нет...

* * *

Вовка Чернышов, эксперт Старогорского филиала фирмы "Бука", дошел до пункта 39-го списка предложений. "История и современная практика религии Ретхто". Опять миссионеры? Оттуда только нам не хватало... Но в списке тоталитарных сект Информационно-консультативного Центра Свмч. Ириunea еп. Лионского ничего похожего, с учетом даже возможных искажений транскрипции при переводе с американского, не обнаружилось. Можно было закупать 10 экземпляров без риска для карьеры, но, поговорив по указанному в рекламке номеру, Вовка этого не сделал и как-то забеспокоился. Что-то здесь не сходилось. Врут неровно. И тиражей таких не бывает, и так легко не признаются, что никто еще ничего не купил. Пряма-таки я первый, склады, семь городов русских, мать их, нашли бестселлер, экзотика, глянцевая обложка для принятия на себя нищенских вздыханий провинциальной профессуры. Внеслужбное любопытство потащило Вовку, как взгляд рыжей герлы. Он вышел из графика (с кем не бывает?) и набрал в поисковой системе интернета "Rethto". Пока на экране проявлялся баскетбольного вида парень в жуткой маске, из текста прыгнули в глаза слова Russian и Starohorsk. Чего?! Вовка дочитал и охренел.

...— Я охренел, — так и сказал Вовка Северу. — Ты говорил, что если будет что-то. Вот оно.

— Сколько тебе нужно?

— Еще не считал. Некогда было, я сразу к тебе. Если ты скажешь "нет" — не фиг считать, больше не к кому.

— Я за базар всегда отвечаю. В разумных пределах. А ты чем ответишь?

— Пределы для твоих масштабов разумные. А чем отвечу — я же тебя знаю. Всем. Это мой шанс, понимаешь? Мне эта жизнь в таком виде на фиг не нужна, я ее за шанс отдаю.

— Жизнь твоя бабок не вернет, лишние расходы только. Просто я в тебя верю. Это не значит, что пожалею, этого нельзя, по понятиям, понимаешь? Еще помощь нужна?

— Ну... Когда я свой тираж печатать буду. Чтобы никто, кроме меня.

— Твое первое слово.

Выходя из офиса, Вовка почему-то уткнулся взглядом в быка-охран-

ника. Тот даже смутился и почесал грудную шерсть под крестом, не налили ли туда крошки от гамбургера. А Вовка вернулся в кабинет.

— Это... Отменяется...

У Севера поползли брови.

— Не, не, не всё. Только наезды на тех, кто кроме меня печатать будет, отменяются. Остальное все так же. Все равно я первый буду, успею свое отхватить. И твое тоже, с достатком.

— А ну сядь.

Вовка обмяк.

— Я не интересовался подробностями. Скупить всю партию, развести по точкам, держать свою цену, запустить производство по рецепту — это я понимаю. Главное — спрос угадать. Но ты метушишься. С чутьем на товар так не бывает. Что-то еще почуял? Я тебе скажу: кого-то еще. Боишься меня подставить? Это очень сложно. Но я должен знать.

— Ну, это... У тебя, наверное, бывало так, что есть кто-то круче тебя. Я не спрашиваю, кто, но всегда же есть. И ты думаешь: бороться с ним, увиливать от него, кроить или... Может, и то и другое настолько опасно, что лучше... Ну, в общем... Служить ему.

Север смотрел на Вовку очень внимательно.

— А левый тираж, это не кроить?

— Это... Здесь аналогия кончается. Это все-таки другие дела, в которых я больше понимаю, и ты же сказал, что в меня веришь. Ему неважно, сколько я наварю, лишь бы до людей дошло.

— Ты точно знаешь?

— Да!

Вовка не знал, почему он знает точно. Но он знал.

Ладно, заматано.

* * *

— Я знаю, что вы хорошо знаете русский, и предлагаю сразу взять быка за рога.

— Берите.

— Ваш король в вашей столице проводил массовый религиозный обряд. В процессе... Во время его он публично предрекал (телеведущий Виктор Лаптев заглянул в бумажку) "страшную кару богов" для похитителей и возможных убийц ваших граждан в Старогорске. Он говорил, что "кара богов" постигнет тех (по бумажке) "кто убил и кто видел, кто знал и кто помогал, кто скрывал и кто не мешал, но должен был помешать".

— Да, это так! — истово подтвердил Тнетх.

— И в течение суток после этого... Э...

— Большой Молитвы. Так можно очень приблизительно назвать Нбтогх Тодх в системе ваших понятий, — любезно пояснил Тнетх.

— Да... Этой, так сказать, молитвы, в Старогорске погибли при таинственных обстоятельствах или умерли странной смертью все члены преступной группировки Джалхоя, а также купленные ими милиционеры, ФСБ-шники, депутаты и чиновники...

— Но этого не может быть!

— ...их списки и обстоятельства смерти опубликованы во многих газетах, вы читали? Почему "не может быть"? Это очевидные факты.

— Я читал.

— ...

Тнетх вытащил из рук Лаптева распечатку со списком.

— Очевидно только то, что эти люди в самом деле умерли или погибли. Но они не могли быть членами преступной группировки.

— Интересно, как вы это...

— Если бы они были преступниками, то должны были бы сидеть в тюрьме. А все они умерли на свободе. И нигде не написано, что кто-то из них беглый. Значит, они не были преступниками. Преступником может назвать человека только суд. Кстати, из этого же вытекает, что ваши газеты безбожно врут. Россия — демократическое правовое государство, так?

Тнетх Рругнт родился в Москве в 1958 году и был зарегистрирован в райзагсе как Евгений Бесфамильный. Но это его имя мало кто знал, потому что в детском саду его звали Бибизян, в школе и музучилище — Джоп, а широкую известность в узких кругах он получил как ударник группы "Легкая балда" Гоген. По ящику группу никогда не показывали, так она и распалась, после чего Гоген ездил стопом по бывшим поклонникам с гитарой и тамтамчиком, а затем исчез. Чтобы объявиться год назад с чистюсенькими всеми настоящими документами о найденном отце, законном воссоединении семьи и... дипломатическим паспортом.

— Как же вы объясните гибель этих людей?

— За эти сутки в мире и в Старогорске умерли многие. А убийцы наших граждан вполне могли уехать в другой город или другую страну сразу после похищения и умереть уже там. Впрочем, если ваши следственные органы убедительно покажут, кто похитил и убил наших детей, могут выясниться и совпадения. Также и среди оставшихся могут быть те, кто умерли не своей смертью. Но всех убийц постигнет кара богов.

Гоген сказал последнюю фразу как-то очень по-другому. Но серьезный элитный Лаптев Гогеново прошлое знал только по досье, он никогда не бывал на концертах "Легкой балды" в пригородных домах культуры и пропахших травкой питерских флэтах, потому понял свое и спросил почти искренне:

— Вы ведь совсем недавно стали верующим?

Это был неудачный, ох, неудачный вопрос, но прямой эфир... Монтировать было некогда, новость горячая и... какая-то необычная... да когда над этим думать, если каждый день, каждый день, гонка, гонка?.. Лаптев понял, что лажанулся, и начал уже обдумывать ходы-выходы, но Гоген оказался необычайно великодушен, во всяком случае, тогда так показалось. Он выдержал паузу, глядя не на Лаптева (!) а в прожектор над своим креслом и пропел:

— Да, я недавно
осознал себя
сыном Ретхто.
Но вера моя
искренняя и
полнодушна.

Больше ничего путного в этот раз добиться от него не удалось.

* * *

Антон вспомнил, что его учили не только стрелять и взводить мины, но и анализировать. Честно говоря, этому больше всего и учили, но нынешним заказчикам знать это было не обязательно. Он сделал беговой крюк до почтовых ящиков, огляделся и выгреб газеты, где потолще. В одном, кажется, попался недельный комплект — кто здесь такой политизированный? С соседями он не знакомился и не собирался: дом был снят наскоро и будет брошен сразу после следующего аванса. Но пока работы не было, и было время потренировать не только мускулы, но и мозги. Через несколько часов возникла цифра с вероятностью ошибки вдвое, но это уже что-то, и Антон позвонил Коке: "Есть кое-чего интересного... Вот именно по этому. Не участвовал, потому и обидно. Нужны архивы телепередач".

Это стало для Коки еще одним "звоночком". Его тоже глодало неопределенное, и он не был чужд аналитике, и как раз шел с другого конца... туннеля... Ассоциации, однако...

Через сутки работы видеомонтажного комплекса и удвоенного интеллекта (Кока поглотил литра три крепчайшего кофе, а Антон стоял под душем и на голове) была просчитана типовая цена за замочку группировки Джалхоя вкупе с сопутствующими ментами, с учетом надбавки за несколько экзотические способы, себестоимость печати книги и совокупность мелких расходов. Доставка — один товарный вагон или пять-десять фур, которые могли служить и складами. И никаких затрат на рекламу и реализацию! Тираж смели перекушники, сами изрядно наварив, и тут же начали печатать еще втемную, но и "первопечатникам", сдавшим все на корню за черный нал, достался аппетитный куш. Блестящая и чисто реализованная идея! Готовилось все, несомненно, заранее. Только на написание книги ушел год, причем хитрые жрецы-махинаторы сэкономили и на академиках-авторах: те получили в качестве гонораров гранты научных и благотворительных фондов. Древние культуры, отсталые народы, реликтовые религии — все для русского читателя.

Кока уже начал прикидывать, как бы повторить этот финт, но все еще глодало.

— А чтобы всех Джалхоевских обозначить — посчитал?

— Во ты даешь, ты сам кто? Я бы вот отсюда и взял, — и Антон ловко попал редиской в корешок "Бандитского Старогорска".

— И... Ты-то знаешь, что там много чего... В художественном смысле...

— А кто проверит? И на фига? Если такой заказ дают, значит — чтобы боялись.

Тут-то Кока и понял, что его глодало. Во всяком случае, тогда так показалось, пока не начало опять. Весь список безвременно замоченных и точно был взят из его собственной книги.

* * *

— В нашей прошлой беседе вы утверждали, что ваша страна не имеет отношения к таинственным смертям в Старогорске.

— Я утверждал, что преступников постигнет кара богов. Но тогда я еще не знал, кто они. Теперь ваши следственные органы это выяснили.

— Значит, все-таки имеет отношение?

— Да, конечно. Нбтогх Тодх — страшная сила.

— Итак, старогорские бандиты погибли вследствие молитвы?

— А разве следствие установило другое?

— Следствие еще не закончено. И ваш король, ваше государство, ничего, кроме молитвы, не делало? Чего-нибудь... Э... Материального?

— Это хороший вопрос. Я не думал, что вас интересуют такие тонкости.
— По этим, как вы говорите, "тонкостям" в прессе идет дискуссия, считать ли вашего короля международным террористом. Вы читали?

— Увы, обязан по должности. Но мы с вами уже выяснили, что вашим газетам верить нельзя. Наше правительство не имеет претензий по этому поводу. Мы уважаем право вашего народа читать то, что ему нравится. А чтобы осудить нашего короля, вам и международному сообществу придется сначала принять законы, карающие за черную магию.

— Какую?!

— Нбтогх Тодх — это не только молитва. Король совершал магический ритуал. Помните, он сжигал в священном огне символы веры преступников? Очень сильный прием!

— Такие как бы деньги?

— Ну, что вы, это же Нбтогх Тодх! Деньги были настоящие!

— Тогда, судя по объему пачек, он сжег больше, чем преступники просили выкупа? Но элементарный гуманизм требует...

— Несколько меньше, там были не только доллары. Но это и нельзя сравнивать. Символы веры не могут быть связаны с суммой выкупа. Их должно быть достаточно, чтобы нанести урон богам врагов. На некоторое время они становятся слабее, пока действуют наши заклинания. А платить выкуп террористам запрещают законы нашей и многих других стран: это провоцирует новые теракты и потому антигуманно.

Лаптев мотнул головой.

— Значит, вы утверждаете, что вами предпринимались только... э... духовные, так сказать, действия?

— Вполне материальные. Магия — это способ воздействия непосредственно на материальный мир, на физическом уровне. Я понимаю, вы не должны быть специалистом, но можете заглянуть в словарь, спросить у экспертов. Древние египтяне переняли свою магию именно у нашего народа. Наши предки приплыли в Египет на тростниковых лодках еще в...

— Наверное, вы были правы, назвав это тонкостями. Итак, ваша религия включает в себя магию... И вы молились за гибель людей. Нравственно ли это?

— Мораль разная у разных народов. Международное законодательство — одно. Что не запрещено, то разрешено.

— И вы это делали, зная... веря, что люди погибнут? Вы действительно в это верите?

— Вы задаете странные вопросы. Миллиарды людей в мире молятся

разным богам. Зачем бы они это делали, если бы не верили, что их молитвы сбудутся? И знаете ли вы, за что они молятся? Многие — за смерть своих врагов, это вам любой психолог скажет. И какой ответ вы думали получить от служителя культа и государственного служащего страны, где Ретхто — официальная религия?

— Вы — священник?!!

— Я — жрец Ретхто.

— Так... И что же, ваши молитвы всегда сбываются?

— Мои лично? Очень редко. Перед Ретхто я равен любому. И каждый молится втайне, и все мы вразнобой. Но когда множество людей, веруя и искренне, то сбываются. А если одновременно, гласно, соблюдая ритуал, и у богов просят ясного, возможного и справедливого... Это всегда.

— Ваша религия с магией обладают такими уникальными свойствами, что...

— Такими свойствами обладает любая религия, и ваша тоже, если люди будут верить. Если люди будут истово молиться.

— Вы думаете, что наш народ не верит?

— Не знаю. А вы пробовали? Почему у вас не соберутся много людей и не помолятся вслух? Хотя бы столько, сколько у нас. Мы — маленький народ, а вы — великая страна.

На большом экране, на заднем плане Лаптева с Гогеном крутилась видеозапись: сколько хватал объектив, маски топтались, крутились над землей, падали ниц, перевертались небу, взлетали в пыльных нимбах на полтора роста и ревели, хотя звук был выключен.

— В нашей религии нет таких традиций. Тем более, молиться за чью-то смерть.

— Традиции-то есть: молебны, крестные ходы, их забыли. И погоду меняли, и о победах молили, и получалось ведь: войны Россия выигрывала, границы расширяла...

Гоген вспомнил про свою иностранность, но, почти не сбившись, продолжил:

— ...нормы международного права и общечеловеческие ценности говорят нам, что к любой религии надо относиться уважительно, исходя из концепции свободы совести и...

Эфир на этот раз смонтировали, но исходный материал ушел темными путями из студии, чтобы появиться на провинциальных, муниципальных, кабельных, оптовых, CD, DVD, кассетах, видео, аудио, сайтах, расшивках, распечатках...

Луи знала, что это будет сильный день. На толкодром она пришла в старом обличье, но под плащом была набедренная повязка. Жизнь Луи пошла было вкось, но вот надеялась выправиться. Гимнастику она, понятно, бросила, хотя Сергей Палыч, Серый, клялся Олимпийской сборной, и даже, дурак, пытался повлиять через маму. Мама, конечно, что-то почуяла, стала поглядывать Луи в глаза, но про спортивную карьеру помалкивала. На парней Луи после того смотреть не могла, отшивала, а пока отошла, на фейсе проявились предательские прыщи, Саурон их побери, и Луи стала назгулом в капюшоне. Получился замкнутый круг. Случайно увидев по ящику пляшущего Нхгабта и вперившегося в прожектор Гогена, Луи поняла, что все переменялось. Меч она продала без сожаления, по дешевке: на книжку хватило. Основные движения и ноты были расписаны и разрисованы, а потом на тусовке индееанистов попалась и видеокассета. "Везение приходит к тому, кто действует", — так говорит папа.

Народы приветственно зашумели (Луи месяц пропадала в кукольном театре Дома детского творчества и в Средиземье не появлялась), из группы черных взлетели салютующие клинки. На площадке, где Конан лениво перепихивался с двумя ведьмаками, Луи установила потертый двухкассетник, не спеша закрепила маску и избавилась от плаща.

В ту ночь в Старогорске было еще одно нашествие смертей, властями не зафиксированное (о прениях в далекой Думе по поводу придания астральным событиям законодательной силы знали лишь фанаты-политболельщики). Родители только и видели, как исчезали из мира сего пять Корвинов, тридцать четыре привратных стражника, три племени эльфов, пять орков, восемь трактирщиков, два Макса, из них один Каммерер, Гоблин и 12 просто гоблинов, четырнадцать Гэндальфов, Нарик, Скрипа, Гуфи, Фокс, Фокси, Брида, Пельмень, Перец, Гроб, Кэт, Металлер...

Рождался новый мир: клинки перековывались, тела перекрашивались, кольчуги, латы и шлемы обесценились, духовые и струнные пали под ударными, татуировка вздорожала.

Издательство "Вервольф" выпустило третий, на этот раз легальный тираж сокращенного "Волшебный мир Ретхто". За авторские права пришлось заплатить, зато на обложке пылал Гоген в ритуальном состоянии и ценители приобрели экземпляры с подлинными автографами.

Отец Никандр с места взял третью скорость. Повисли сатанинские сборища, гнездо сектантов, богомерзкие, растлевают, совращают, отбивают от семьи, манипуляции сознанием, зомби, Мария Дэви, поганят святые имена, Монастырские поляны, Обитель святого Иоанна, восстановление порушенных святынь, землевладение, смета, кубометры, рубли... Проповедный поток сознания вынес батюшку на риф: из тех, кто обещал возродить обитель, в этом кабинете остались только стены, и те в других обоях.

— Хреновый из меня дипломат, — подумал отец Никандр, — глухая тетеря.

Настроение паствы он чувствовал только молча. Потому помолчал еще и угрюмо закончил:

— Земля это наша. Пресечь надо бы.

— И в самом деле, — спросил Кравцов, — что там происходит на Полянах?

— Все согласовано, — быстро, но солидно ответил Вадик. — Молодежь изучает историю путем воплощения костюмированных спектаклей. На местности. Экологических претензий нет. (Лысый эколог кивнул.) Славянка — крещение Руси, освобождение от татарского ига. Также всемирную, вот... феодальная Европа (крестовые походы и инквизицию Вадик пролистнул). Фольклором увлекаются. Скандинавским. Литература английская классическая. Бородинская битва в перспективе. Военно-исторический клуб от арендной платы освобожден, есть в плане капремонта.

Кравцов перевел взгляд, и Велехов встал, одергивая пиджак.

— Криминальных проявлений нет.

— Откуда информация? — лениво спросил Суржик.

— Лично, — со значением рявкнул Велехов, глядя в Суржика, — держу под контролем, — и, не отводя взгляда: — Наших там почти нет. Старогорских меньше половины. Остальные — со всей России. И Москва есть, и (опять со значением) Питер. Дети из приличных семей.

Суржик наконец смежил зенки.

— Николай Александрович, — обратился Кравцов к отцу, — может, вы других имеете в виду? Это какой церкви секта?

— Секта еретическая, бесцерковная, язычники. Среди них и крещенные есть (отче покосился на Суржика), только бес их обуюл через их пастырей сатанинских.

— Николай Саныч, не обижайтесь, я ведь только с целью классификации. Закон любит точность. Ересь — это стойкое нарушение церковного учения, а секта — отколовшаяся часть какой-то церкви. Какой? Христианской? Буддистской? А может, это ваххабиты какие-то?

На самом деле, лучше всех присутствующих это знал Вадик. Но ни терять отчетность, ни, тем более, лишних хлопот не искал. Битлз, Окуджава, Цой, Кришна, Толкиен... Пройдет мода и на Ретхто. Знал Вадик и этого шебуршунчика Гогена, который легкой балды и в прошлом воплощении напускал много, безвредно и приятно.

— Да русские они, — вздохнул отче. — Потому и жаль детишек, пропадут ведь.

Сражение было проиграно: постановили создать комиссию.

Велехову Кравцов мотнул, а отец Никандр остался без знака.

— Нам бы для храма...

— Стройматериалов? — потянулся к клавише Кравцов.

— Автобусов на воскресенье. Десяток. Молебен будем или крестный ход.

— Если ход, — виновато-услужливо вставил Велехов, пока Кравцов наставлял селектор, — маршрут бы. Движение перекроем, обеспечим безопасность мероприятия.

— И-эх. Молебен, — решил батюшка, и, то ли благословив, то ли рукой махнув, покинул их.

— Точно наркоты нет? — устало спросил Кравцов.

— Даже кира почти нет. Есть там отдельные чуть-чуть, они их не любят, "хвостами" называют.

— А жожаки? Взрослые?

— Постарше, но тоже молодые. До тридцати.

— Понятно. Эскейпизм. Психологическое насилие. Сектанты и есть.

— Знаешь, лучше их секта, чем наша ширка...

Велехов стал давить: мало кто, но он-то знал о беде со старшим сыном Кравцова. И пряник припас, но выкладывать начал с подходом:

— У тебя есть там?..

Кравцов мрачно налил.

— Прошлом годе наши гопники туда за девками пошли. Стояли стенка на стенку, те с мечами, а наши — сам знаешь. Но еще как сказать, чья бы взяла.

— У тебя там стукачи?

— Тогда еще не было. Меня из Старогорска разбудили. Один из твоих боссов, между прочим. Доча его там, и мобила при ней.

— Чего-чего?! Там же сети нет! Это... где-то у меня...

— Не ройся, никто без тебя новых вышек не вкапывал. У нее такая мобила, что прям со спутника. Короче, наших я загрузил, с папой поговорил, обстановку разрядил. Сам остался. Там один учитель физкультуры из техникума промавтоматики. Мастер по фехтованию. Из того техникума там много.

— Учителя сейчас тоже всякие... — недоверчиво буркнул Кравцов, но налил.

— Специальности: экономика, компьютеры. При успешном — автоматом в институт. В следующем году девятый класс. Пораньше бы отсюда.

— Породниться хочешь? Или на ту, с мобилой, метишь? Общеага есть?

— Ты что, из своего ЛГУ выпал?! Общежития — все под ними. Квартиры снимать надо. А с мобилами там много, даже не крутых. Родители беспокоятся, в другом себе отказывают. А мы что, рыжие?

* * *

К церкви подвалили еще два газона, на одном даже было написано мелом "Люди", а на другом яркой, но драной липучкой "...би с доставкой в любое место!". Загадочный "би" зато распустил импортный хвост с лесенкой, а "Люди" переваливались через борт, благо, в руки парней.

— Есть и у нас молодежь, — решил отец Никандр и дал знак. Паства разровнялась на мытой и посыпанной хвоей площади. Молодых могло быть и больше, запроси отче помощи от ХДП, и тем паче — из монастыря в Подлесках. Но и те, и те сильно грамотные, каждые по-своему, а сегодняшняя служба каноничностью не страдала. Проклинались все те же сатанинские сборища и гнезда сектантов, переложенные на старославянский акцент и ноты, растления, совращения, чад от семей отлучения, бевские наваждения и Поляны святые, оскверненные.

Обильные коленопреклонения и поклоны земные старшее поколение творило степенно, с легкой примесью радикулита, а отроки и отроковицы как-то уж чересчур ретиво, вычурные очертания их тел и одеяний неуловимо воспоинали готические латинские буквы из собственной отца Никандра семинарской юности.

— Страшная кара бог... божья постигнет тех, кто был и кто видел, кто знал и кто помогал, кто скрывал и кто не мешал, но должен был помешать, — пропел отец Никандр и завершил.

Раскашлялись тракторные дизеля, заскрипела би-лесенка, взделись на

своих и чужих руках люди, отец вяло справил попутное благословение, и необъяснимо до заката Кравцова с Велеховым терзало жесточайшее похмелье, хотя одного вчера только что немец скупо угостил приезжим из фатерлянда шнапсом, а второй и вовсе был с младшими на озере...

* * *

Полдень подкатывался к Монастырским полянам, и тускло блестели они, отражая рыжее солнце полиэтиленовыми плоскостями. Сколько уже этого продукта было сбыто, цены, синхронно со светилом, двигались к зениту, а торговля не унывала. Пасти продажных фургонов изрыгали тонны накидок, навесов, подстилок, плащевок, чехлов, мешков, кульков, колпаков, листов, полотнищ, тентов, капюшонов и бахил. Заботливый Вадик подмигивал ошалевшим от удивления продавцам, но когда те покручивали пальцами над ушами, махал серьезным лицом и указывал в маломерную одинокую тучку у окоема. На разных волнах поочередно вещало: "...без осадков. ...без осадков. ...без осадков".

Гоген, заблаговременно покинувший дипкорпус в связи с женитьбой на аборигенке, занимался именно тем, что более всего не только любил, но и умел: купался в лучах славы. Без десяти до полудня он взошел на дощатый помост и выступал краткий брэк. Рэперы выбрались из толпы и стали вокруг. Операторы подготовились, маски оделись, забили разнокалиберные барабаны (в дело пошли и пионерские, завалывшиеся у ленивых завхозов в школьных подвалах), плащи пали, Гоген взревел, заорали рэперы, неумело заверещала толпа.

Начался танец.

И пошел дождь.

Кока, одним глазом глядя в телик а другим в монитор, просчитывал прайс-лист на услуги сельхозавиации старогорского клуба дельтапланеристов. Велехов держал под контролем, приглядывая заодно за Севкой с Анькой.

Гоген тамтамил, Луи танцевала под дождем, и жизнь была такой настоящей, какой никогда не будет у того, кто пытается прожить ее без веры, любви и надежды.

